

Контролируемая свобода слова в Узбекистане: является ли она замком на песке?

Алишер Ильхамов

10 марта, 2023 г.

2 марта 2023 года группа узбекских журналистов, блогеров, общественных деятелей и экспертов обратилась к президенту страны Шавкату Мирзиёеву с публичным заявлением, жалуясь на скрытое и жесткое давление властей на прессу и блогосферу и призывая его взять под свою защиту свободу слова в Узбекистане.¹ Уже само это заявление, как и то, что за день до него Госсекретарь США Энтони Блинкен, посетивший Ташкент, во время своей встрече с Мирзиёевым также затронул эту проблему,² говорят о том, что как в самом Узбекистане, так и в западных столицах стало нарастать беспокойство относительно ситуации в сфере свободы слова в этой стране.

Наблюдаемые тревожные тенденции

Надо признать, что с приходом Мирзиёева к власти в 2016 году был достигнут определенный прогресс в этой сфере, и этот прогресс стал на сегодняшний день одним из немногих его достижений. Тем самым, Мирзиёев, несмотря на то, что выборы, в результате которых он получил президентское кресло, а потом переизбрался вновь, не были ни свободными, ни по-настоящему конкурентными, обеспечил в определенной степени свою политическую легитимность в глазах как узбекских граждан, так и международного сообщества. Действительно, местные средства массовой информации получили больше свободы, чем при предыдущем президенте Исламе Каримове, в освещении событий в стране, их анализе и даже в размещении у себя материалов, критикующих определенные стороны узбекистанских реалий.

Тем не менее, СМИ и блогосфера так и не получили в полной мере свободы, соответствующей международным правовым нормам в области прав человека. Правящий режим сразу же установил определенные красные линии, которые журналистам и блогерам не позволено было переступить. Были наложены негласные табу на критическое освещение определенных тем и действий лиц правящей элиты, особенно, если речь идет о членах президентской семьи. Под особым запретом оказалась тема коррупции среди высокопоставленных кругов правящего режима. В отношении тех же журналистов и блогеров, которые переступили эти красные линии, власти предпринимают жесткие меры, вплоть до арестов и политически мотивированных приговоров суда. Дело даже порой доходит до помещения неугодных лиц в психиатрические лечебные заведения, а также до внесудебных расправ над ними. Причем эти репрессивные меры заметно усилились за последние 3-4 года.

Так, начиная с 2019 года, были зафиксированы по меньшей мере семь следующих случаев репрессивных действий против журналистов и блогеров:

- 1) В сентябре 2019 года за освещение протестов граждан, выступавших против произвола властей, в г. Ургенче была арестована блогер Нафосат Оллашукурова.³
- 2) В мае 2021 года на 6.5 лет был осужден блогер Отабек Сатторий по статьям Уголовного кодекса Узбекистана о клевете «из корыстных или иных низменных побуждений» и о «вымогательстве».⁴
- 3) В январе 2022 года другой блогер Миразиз Базаров, защищавший права ЛГБТ и критиковавший случаи коррупции государственных органов, был осужден на три года ограничения свободы, также по статье УК о клевете.⁵
- 4) В том же месяце Ташкентский суд по уголовным делам осудил на 7.5 лет другого блогера, Фазилходжу Арифходжаева. К нему был применен пункт «г» части 3 статьи 244–1 Уголовного кодекса, «изготовление, хранение, распространение или демонстрация материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку с использованием средств массовой информации либо сетей телекоммуникаций, а также всемирной информационной сети Интернет». После ареста блогер подвергся пыткам и психологическому давлению.⁶
- 5) В декабре 2022 года полиция задержала Шахиду Саломову, блогера пожилого возраста, которая в последнее время поднимала проблемы коррупции и незаконных сносов домов граждан, осуществляемых по сговору между застройщиками, хокимами и судьями. Ей предъявили обвинения по чести 2 статей УК 139 и 140, «Клевета и оскорбление в печатном виде, в том числе через Интернет».⁷
- 6) В январе 2023 года, был арестован Абдукодир Муминов, автор видеоканала «Ko'zgu». Суд над ним еще не состоялся, однако уже сейчас к нему не допускают его адвоката.⁸
- 7) Наконец, в январе 2023 года были арестованы Хуршид Далиев и Муслим Мирзажонов, первый являющийся директором, а второй главным редактором информационного веб-сайта Human.uz, оба также являющиеся администраторами Телеграм-канала «Kompromatuzb».⁹

Можно спорить о том, достаточно ли приведенных случаев репрессий против журналистов и блогеров, чтобы делать какие-то обобщения. В ответ на вышеуказанное обращение журналистов и блогеров ответил не сам президент, а Союз журналистов, подконтрольный правительству, заявив, что «только за январь 2023 года в прессе и интернете было опубликовано более 1300 критических материалов, касающихся деятельности органов государственной власти и местного самоуправления», а правовые действия против некоторых журналистов и блогеров оправданы целями борьбы с злоупотреблением свободой слова и использования трибуны прессы в корыстных и других злонамеренных целях.¹⁰ Однако чего невозможно отрицать, это того, что меры пресечения в отношении указанных выше лиц носили чрезмерный характер и грубо нарушали нормы закона и международного права. Так, в отношении двоих из этого списка, Нафосат Аллошукуровой и Шахиды Саломовой, были предприняты меры из разряда карательной психиатрии, а двое других, Миразиз Базаров и Абдукодир Муминов, подверглись нападению на улице, очевидно по заказу правоохранительных органов, в результате чего первый из них получил тяжелые увечья. Вполне очевидно, что репрессивные меры против всех отмеченных выше лиц преследовали цель не только наказать их за их критику властей, но и запугать все местное сообщество журналистов и блогеров.

Политика «контролируемой свободы слова»

Отметим также различия между журналистами и блогерами в том, как и в какой степени ограничивается свобода слова в их случаях. Если для давления на СМИ, которые, как правило, действуют в статусе юридического лица, достаточно угрозы лишить их регистрации, что привело бы к их ликвидации, то в отношении блогеров принимаются скорее насильственные меры в виде арестов и заказных уголовных дел, с грубыми нарушениями прав задержанных. Это различие связано видимо с тем, что блогеры, в отличие от профессиональных журналистов, часто действуют на грани политической деятельности, нацеленной на мобилизацию протестных настроений в обществе, а некоторые, из них, как например Абдукодир Муминов, не скрывают намерений создать свою политическую партию. Но как раз в этом вопросе, когда речь идет о создании реальной политической оппозиции в стране, правящий режим Шавката Мирзиёева настроен на гораздо более жесткие ограничения, чем в отношении свободы прессы. То есть, отношение к свободе слова и к свободе прессы у узбекских властей разное: с их точки зрения блогеры, пользуясь свободой слова, в гораздо большей степени, чем профессиональные журналисты, затрагивают интересы правящей элиты, порой пытаются создать ей альтернативу, а потому чаще переступают красные линии, очерченные правящим режимом в сфере массовой информации.

Что касается СМИ, то местная пресса и даже часть зарубежных изданий, специализирующихся на освещении событий в Узбекистане, усвоили правила игры, установленные правящим режимом. Так, уже в самом начале правления Мирзиёева, когда стала проводиться политика ограниченной либерализации в сфере средств массовой коммуникации, власти сняли интернет-блокаду с некоторых изданий, которые освещали события в Узбекистане из-за рубежа, и даже позволили их корреспондентам легально осуществлять свою журналистскую деятельность в стране. Эти меры коснулись в основном узбекской службы Би-Би-Си, Eurasianet.org и Фергана.ру (ныне функционирующей под брендом Fergana.news). Компромисс, заключенный с этими изданиями, заключался в том чтобы те снизили критический тон своих публикаций об Узбекистане.

Те же издания, которые продолжали публиковать критические материалы о стране, не соблюдая никаких табу, были подвергнуты остракизму. Так, власти продолжили блокировать в интернете публикации Радио Озодлик и не допустили открытие его корреспондентского пункта в стране, скорее, в отместку за те журналистские расследования, которые разоблачали и продолжают разоблачать коррупцию на самом высокопоставленном уровне в стране, включая семью президента Мирзиёева. А некоторых журналистов международных изданий, которым поначалу было позволено вести свою корреспондентскую деятельность в стране, в итоге просто выдавили из страны. Это случилось с польской журналисткой, корреспондентом Al Jazeera Агнешкой Пикулицка, которая сначала испытала на себе давление со стороны МИДа, а через некоторое время была лишена аккредитации в Узбекистане, и в ноябре 2021 года вообще не была допущена в страну.¹¹

Таким образом, можно утверждать, что узбекские власти проводят в сфере массовой информации политику, которую можно назвать контролируемой свободой слова. Суть этой политики заключается в том, что по сравнению с временами Ислама Каримова поводом, на котором власть держит местную прессу, удлиняется, но не настолько, чтобы обеспечить свободу слова в соответствии с международными стандартами. Все же прессу все еще держат на поводке, и делается это в виде наложения неправовыми методами разного рода красных линий и табу, которые прессе и блогерам не позволено переступать. Речь при этом идет не о вполне легитимном запрете призывов к межэтнической и межконфессиональной розни или к

насилию. Речь идет о неформально установленном запрете на критику центральных властей, особенно случаев коррупции высокопоставленных лиц правящей элиты и самого президента.

Само правительство не пользуется понятием «контролируемая свобода слова», но де факто проводит этот курс. Я ввожу этот термин в оборот по аналогии с аналогичной практикой, которую проводил режим Путина в Российской Федерации в начале своего правления. Там эта политика получила название «суверенной демократии», концепцию которой в 2005-2007 годах озвучил Владимир Сурков, бывший тогда заместителем руководителя президентской администрации. Суть этой идеологии, еще называемой управляемой демократией, заключалась в противопоставлении «демократии с российской спецификой» ее западным стандартам. При этом под российской спецификой понималась особая роль лидера страны, который контролирует ключевые институты государства, обе другие ветви власти. Этого контроля режим Путина добивается посредством ограничений, налагаемых на деятельность реальной оппозиции, а также допущения в парламент преимущественно тех партий, которые лояльны ему, получив тем самым название «системных». Формально такая «суверенная демократия» предусматривала имитацию демократических процедур, включая всеобщие выборы президента и парламента. Поначалу даже допускалась в парламент малочисленная фракция оппозиционных партий, но настолько малочисленная, что не представляла угрозу квалифицированному большинству партийных фракций, лояльных президенту, а значит, не могла препятствовать принятию любых законодательных решений, в том числе изменению конституционных норм. Впоследствии даже эта крохотная группа оппозиционно настроенных депутатов не была допущена в Государственную Думу при помощи разного рода ухищрений, вплоть до устранения, под разными предлогами, деятелей оппозиции от участия в выборах или фальсификации итогов этих выборов.

Таким образом, авторитарный режим Путина первоначально допускал очень небольшое общественное пространство для оппозиции и независимой прессы на условиях сохранения в своих руках «командных высот» в плане контроля над всеми государственными и общественными институтами. Однако по мере своей эволюции режим ликвидировал даже то небольшое пространство для гражданских свобод и альтернативных ему мнений, которое допускалось концепцией «суверенной» демократии. Все более делалась ставка на полную фабрикацию результатов выборов, прямые репрессии против лиц оппозиции, навешивание ярлыка «иностранный агент» на неугодных лиц, и т.п.

Учитывая тот путь, который проделал режим Путина со времени, когда он еще пытался подать себя в качестве режима демократического, до того момента, когда он дал понять, что намерен править страной пожизненно, примерно то же самое следует ожидать и от режима Шавката Мирзиёева. От периода заигрывания со свободой слова, узбекский режим тоже, скорее всего, будет прогрессировать в сторону ограничения гражданских свобод. И этот тренд обуславливается двумя ключевыми факторами: 1) стремлением авторитарного лидера, как в России, так и в Узбекистане и в любой другой стране, которой правит авторитарный режим, править пожизненно, и 2) неизбежным падением его политической легитимности по мере того, как он переживает один политический кризис за другим, а также один коррупционный скандал за другим. Выход из этой ситуации авторитарный лидер, как правило, видит в ужесточении репрессий против своих оппонентов, ограничении гражданских свобод, усилении пропаганды, оправдывающей незаменимость данного авторитарного лидера, а также в поиске внутренних и внешних врагов как способ зомбирования населения.

Поскольку Мирзиёев явно собрался продлевать свое правление на неопределенно долгий срок и при этом уже пережил ряд кризисов и коррупционных скандалов, в результате чего

легитимность его президентства в глазах общества снизилась, ему не остается никакого другого выхода, как следовать указанному выше тренду в сторону закручивания гаек. В свете этого, следует ожидать мер властей и по ограничению свободы слова, процесс, который мы уже наблюдаем уже за последние несколько лет. Именно поэтому указанное выше публичное обращение журналистов и блогеров к президенту, если и будет иметь эффект, то, скорее всего, на краткосрочную перспективу. Это если только этим заявлением все и ограничатся. Усилия гражданского общества по недопущению сползания правящего режима к худшей форме диктатуры безусловно не бесполезны, но могут дать эффект, только при условии наращивания давления на власти и расширения социальной базы движения за гражданские свободы. Только тогда это давление на власти станет еще одним фактором, с которым президент будет вынужден считаться.

Другие способы противостояния негативным трендам

А как же насчет внешнего давления на узбекские власти со стороны международных институтов, таких как ООН и Евросоюз, а также США? К сожалению, такое давление извне очень редко дает какой-либо практический эффект, за исключением, пожалуй, двух наиболее выдающихся случаев. Первый - это когда действия администрации США и ряда других стран Запада помогли спасти те пятьсот беженцев, которые спаслись от кровавой бойни, учиненной режимом Каримова в Андижане в мае 2005 года. Тогда США и некоторые страны Европы предоставили андижанским беженцам убежище в своих странах. Второй случай – это когда правительство США, особенно его Департамент труда, поддержало деятельность международной коалиции за искоренение практики принудительного труда в хлопковом секторе Узбекистане. Такая совместная работа гражданского общества и американских властей в итоге побудила узбекские власти признать проблему и предпринять шаги по недопущению практики принудительного труда в хлопковом секторе.

В данный исторический момент, однако, вряд ли можно рассчитывать на аналогичные решительные действия со стороны стран Запада. Причиной этому служит война России, развязанная ею в Украине, и последовавшие за этим западные санкции против Москвы. В этой ситуации западные страны оказались заинтересованными в сотрудничестве с узбекским и другими центрально-азиатскими режимами, чтобы не допустить их поддержки российской агрессии против Украины и использования Москвой этих стран в качестве транзитной зоны для обхода санкций. Кроме того, США все еще заинтересованы в сотрудничестве с Ташкентом на афганском направлении. Эти соображения в западных столицах в пользу сотрудничества отодвигают, в плане их внешнеполитических приоритетов, на задний план вопросы прав человека в Узбекистане и других государствах Центральной Азии. В лучшем случае в данных обстоятельствах можно рассчитывать на выражение озабоченности представителей Запада теми негативными трендами в сфере прав человека, которые наблюдаются в Узбекистане в последнее время. Но такой озабоченности пока недостаточно для того, чтобы узбекские власти изменили свою внутреннюю политику.

Таким образом, остается рассчитывать преимущественно на мобилизацию общественного мнения внутри страны. Однако пока приходится констатировать, что несмотря на некоторое оживление активности гражданского общества за последние несколько лет, она еще не достигла той степени, чтобы стать фактором, который бы заставил правящий режим идти на серьезные уступки путем ослабления своей репрессивной политики.

Но остается еще один потенциальный фактор, который может повлиять на ситуацию. Если критические голоса прессы и гражданского общества по вопросам коррупции государственных

органов будут подавляться и дальше, то масштабы этой коррупции возрастут настолько, что приведут к новому падению кредитных рейтингов Узбекистана, отпугнув потенциальных инвесторов, которые еще помнят, как совсем еще недавно, при правлении Ислама Каримова, иностранные инвесторы подвергались членами правящей элиты вымогательству в обмен на разрешение их бизнеса в стране. Падение интереса международных инвесторов к Узбекистану, в свою очередь, скажется негативно на экономической ситуации в стране и, как следствие, на политической легитимности самого президента, который не скрывает своих амбиций добиться успехов в экономической сфере. Как результат, из-за провалов в экономической политике кресло под ним может зашататься. Учитывая сказанное, гражданскому обществу и местной прессе стоит обратить внимание на перспективы использования рычага давления на правящий режим именно по этой линии: свобода слова – коррупция – иностранные инвестиции.

Ссылки:

¹ Gazeta.uz, 3 марта 2023, <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/03/freedom-of-press/>

² Secretary Antony J. Blinken With Doniyor Tukhsinov of Kun.uz, U.S.Department of State, March 2, 2023, <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-doniyor-tukhsinov-of-kun-uz/>

³ Gazeta.uz, 10 января 2020, <https://www.gazeta.uz/ru/2020/01/10/nafosat-ollashukurova/>

⁴ Asiaterra.info, 10 Мая 2021, https://www.asiaterra.info/zhurnalisty-smi/borovshegosya-s-korrupsiyej-blogera-otabeka-sattori-prigovorili-k-6-5-godam-lisheniya-svobody?fbclid=IwAR0ep6rw37vDtZ2HYGy2dPm5hjqUa6bVA0MzJlvs5kUp_F2_bYmkpz8VsA0

⁵ Gazeta.uz, 21 января 2022, <https://www.gazeta.uz/ru/2022/01/21/bazarov-miraziz/>; ACCA, 3 июня 2021, <https://acca.media/8378/uzbekistan-delo-bazarova-pokazalo-otsutstvie-svobody-slova/>

⁶ Human Rights Watch, 28 января, 2022, <https://www.hrw.org/news/2022/01/28/uzbek-blogger-jailed-facebook-post>

⁷ Gazeta.uz, 21 декабря 2022, <https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/21/blogers/>

⁸ Gazeta.uz, 25 декабря, 2022, https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/24/kozgu/?fbclid=IwAR2qZApEfKgdZm-BQ3bhDxpTnHUNc5UGySqU5LetTj5njar6CYz_6XvgNvA

⁹ Gazeta.uz, 27 января 2023 г., <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/27/human/>

¹⁰ Gazeta.uz, 6 Марта 2023, <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/06/journalists/>

¹¹ Gazeta.uz, 9 ноября 2021 г., <https://www.gazeta.uz/ru/2021/11/09/pikulicka/>